

УДК 316.3/4

ВОСПРИЯТИЕ ВЛАСТИ В РОССИИ: РЕЛЕВАНТНОСТЬ ОТНОШЕНИЯ К ВЛАСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ АСПЕКТАМ

Н.А. Романович

Аннотация

Отношение к власти в России заслуживает особого внимания. Та или иная форма и структура государственной власти возникли не случайно, а сформировались в соответствии с существующими в этом обществе культурными основаниями для формирования именно такого, а не какого-то другого образа взаимодействия народа с властью. Форма и структура власти всегда органичны для данной культуры. Они отражают определенные аспекты политического мировоззрения населения.

Монархия и демократия – это не только различные структуры государственных органов, а идеологическая подоплека, которая сформировала диаметрально противоположные аспекты отношения народа к власти. Замена структуры власти органично происходит, если сменяется содержание базовых ценностей, господствующих в обществе. Доминирующая в обществе политическая культура фактически определяет пределы модернизации социума, степень «приживляемости» заимствованных федеративных образцов и институтов.

Современные социологические исследования свидетельствуют о наличии противоречий в восприятии демократической структуры власти населением и тем образом власти, который имеет место в традиционной российской культуре. Это противоречие между отношением населения к власти и предлагаемой народу формой власти.

Интерес к выбранной теме у меня обоснован спецификой отношения к власти России и отличием его от отношения к власти в других странах. На мой взгляд, отношение к власти в России заслуживает особого внимания. В общественном мнении в настоящий момент существуют стереотипы, которые противоречат друг другу. С одной стороны, распространено расхожее мнение о том, что «власть – это грязное дело». С другой стороны, эхо российской истории доносит до наших дней свидетельство о существовании другого стереотипа, воплощенного в высказывании Константина Леонтьева: «Великое и страшное дело – власть». Это высказывание раскрывает некий сокровенный подтекст отношения народа к власти, который неожиданным образом проявляется в коллизиях политической жизни страны сегодня и приводит в недоумение как общественных деятелей, так и представителей политической науки.

Отличия отношения к власти народа российского от других стран были замечены общественными деятелями и публицистами уже давно. Более 100 лет тому назад Схиархимандрит Варсонофий (Плиханков) писал в своих «Келейных записках» в 1892–1896 гг. (М., 1991. С. 44): «Преданность Православного русского народа к Царям своим совсем не то, что преданность западных наро-

дов к их государям. По современным западным понятиям, государь есть ничто иное, как представитель своего народа – и народы западные любят своих представителей и охотно повинуются, когда они верно выполняют свое назначение. На Западе в своих государях народы любят лишь самих себя. Если король по личному своему характеру не в состоянии быть верным отражением господствующих в народе стремлений, идей и страстей, то ограничивают и сжимают его волю посредством конституционных тисков. Если же король не поддается этим усилиям и не в силах поддаваться под вкус и характер подданных, то лишается не только любви народной, но и престола, как это было с Карлом X и с Людовиком-Филиппом и с сардинским королем Альбертом. Совсем не то у нас в России: наш Царь есть представитель воли Божьей, а не народной. Его воля священна для нас, как воля помазанника Божия; мы любим его, потому что любим Бога» [1].

Мне представляется, что те или иные форма и структура государственной власти возникли неслучайно, а сформировались в соответствии с существующими в этом обществе культурными основаниями для формирования именно такого, а не какого-то другого образа взаимодействия народа с властью. Форма и структура власти всегда органичны для данной культуры. Они отражают определенные аспекты политического мировоззрения населения.

Например, монархия и демократия – это не только различные структуры государственных органов, а идеологическая подоплека, которая сформировала диаметрально противоположные аспекты отношения народа к власти.

Говорить о «чистых концептах» можно лишь с известной долей условности. В социальной практике «идеальные типы» общественных механизмов, если и встречаются, то крайне редко. Реальное разнообразие социума плохо укладывается в теоретические схемы, которые, тем не менее, необходимы для первичного структурирования и создания общих моделей. Прежде чем анализировать «власть» в качестве «социального тела», рассмотрим ее как «чистый концепт».

1. Источник и вектор власти.

Один из главных аспектов – это определение *источника* власти. В монархической идее, например, источник власти имеет божественную природу. А верховный правитель (царь, король, князь) является проводником божьей воли. Поэтому «вектор власти» направлен сверху вниз, то есть от царя (или другого верховного правителя в едином лице) к его ближайшим подчиненным, от них к другим подчиненным более низкого уровня и так далее, непосредственно к народу, который выступает здесь исключительно как объект воздействия власти.

В демократической идее источником власти является сам народ. Поэтому «вектор власти» имеет противоположное направление: снизу вверх, то есть от народа к управляющим органам, представители которых избраны самим народом.

Эти два противоположных направления «вектора власти» непосредственно связаны с определением источника власти и наполняют различным содержанием идею *служения*.

2. Кто кому служит?

Например, в исторической традиции России «власть» – это то, чему нужно и должно служить. Прежде в царской армии говорили: «Служу царю и отечеству». А Царь в глазах народа являлся представителем Бога на земле, непосредственным выразителем божественной воли. Поэтому служить Царю и служить Богу было почти равносильной добродетелью. Имело место трепетное отношение к власти как к чему-то священному и неприкосновенному. Харизматическое отношение к верховному правителю превалировало над рациональной оценкой его личных качеств.

В отличие от российской схемы американская концепция взаимоотношений народа и власти предполагает противоположное направление *служения*. Верховный представитель власти, избранный народом, служит народу, а не народ служит ему. Поэтому отношение к власти и ее верховному представителю спокойное, ровное, без примеси мистики, в какой-то степени напоминающее отношение к обслуживающему персоналу. Это отношение к своему правителю характерно для демократической идеи и является ее логическим следствием.

3. Геометрия власти.

Если представить схему властных отношений в виде геометрической фигуры, то традиционной для России является остроконечная пирамида (верх – правитель, основание пирамиды – народ). Пирамидальная форма адекватна монархической идее. Чем выше, тем более сконцентрирована власть. Демократическая идея же представляет властные отношения в виде перевернутой пирамиды. Основание пирамиды – народ – оказывается вверху, так как именно народ теоретически является основным актором власти. А острие пирамиды (правитель) находится внизу, так как «повеления» народа спускаются к нему и правитель должен их выполнять.

Это выпуклые, почти зримые идеологические различия между монархией и демократией определяют систему государственных органов, адекватную для каждой идеологии.

Рефлексия по поводу существования власти и ее сущности замечена в трудах многих мыслителей. С одной стороны, осознается необходимость власти, подчеркивается ее значимость. С другой стороны, иногда возникали сомнения в необходимости власти (анархическая идея), иногда строились утопические теории, в которых было представлено общество без власти. Так, например, Конту и Марксу в отдаленной перспективе виделась сходная картина общества, в котором, говоря словами их учителя Сен-Симона, управление людьми сменится управлением вещами. Они считали, что в обществе без классовых различий «публичная власть должна потерять свой политический характер» [2].

Если обратиться к сегодняшнему дню, то можно усомниться в справедливости подобного прогноза. Отнюдь незаметна тенденция к утрате «публичной властью» политического характера, хотя в настоящее время общество утратило классовые различия в том смысле, в котором понимал их Маркс.

«Публичная» власть оказалась весьма устойчивым явлением. Более того, различные ее виды и формы сохраняются в той или иной культуре веками. В случаях смены правительства мирным путем или даже государственных пере-

воротов воссоздаются прежние властные структуры по своей сущности, хотя внешне они могут выглядеть совсем иначе. Причина этого видится не в том, что люди не хотят что-то менять, а в том, что не могут изменить даже при желании. Как считают зарубежные ученые, любая социальная традиция является продуктом великой исторической преемственности, человек ограничен в возможностях ее преодоления, поскольку ценности, обретенные в юные годы, практически не могут быть вытеснены из его сознания [3]. В юности человек впитывает определенные аспекты культурного наследия, в том числе и отношение к власти, представление о том, что такое власть и какой она должна быть. В силу этого общество может оставаться самим собой, пока обладает определенной культурной идентичностью, задающей направление дальнейшего развития, воссоздающей определенное отношение к власти, ее формы и структуры.

Есть риск обмануться, полагая, что если в политических культурах разных стран существуют институты власти, идентичные по наименованию и устройению, то они идентичны и по содержанию. Так, например, монархия в дореволюционной России имела неприметные, на первый взгляд, но существенные отличия от монархии западных стран. По утверждению современных политологов, некоторые элементы сегодняшнего демократического института были заимствованы из монархической идеологии. Например, главный редактор журнала «Политические исследования» М.В. Ильин пишет, что «представительство» (имеются в виду думские и проч. выборы) не было изобретено демократами, а развилось как средневековый институт монархического и аристократического правления. Как он полагает, вполне справедливо считалось, что представительство в корне противоречит прямому участию в принятии решений, т. е. собственно демократии, являясь ее логической антитезой. «И действительно, авторитаризм в своей логике есть последовательное проведение принципа представительства, делегирования власти авторитету, т. е. отчуждение ее у множества и передачи немногим или даже одному лицу. В пределе – это самодержавие, предполагающее лишение всех и каждого субъектности в пользу единственного актора-самодержца.» [4]. Этот вывод может быть справедлив по отношению к монархиям западного типа. Но самодержавие в российском варианте – это вовсе не представительство, не делегирование власти от народа к царю, а нечто другое. При подобном западном варианте делегировании власти «вектор власти» направлен от подданных к монарху, то есть снизу вверх. В России же народ не наделял самодержца властью, а признавал его власть. И признавал потому, что считал, что монарха наделил властью сам Бог. В России царь царствовал не от имени народа, но от имени Бога. Выполнял не волю народа, но волю Бога. Вектор делегирования власти в российском случае направлен сверху вниз: от Бога к царю и далее к народу, а не снизу вверх как при представительстве. Получается, что хотя формы правления носят одинаковое название «монархия», они имеют существенные идеологические различия, которые и предопределили дальнейшие пути их трансформации. Неудивительно, что «представительство», проросшее из монархии западного типа, в итоге обратилось в свою «логическую антитезу», как окрестил демократию М.В. Иль-

ин. Имея зримое логическое противоречие, они имеют незримое сущностное сходство – одинаковое направление «вектора власти».

Замена структуры власти органично происходит, если сменяется содержание базовых ценностей, господствующих в обществе. Оригинальная государственная структура власти, возникшая в американском обществе, была основана на определенном ценностно-нормативном наборе, имеющем существенные отличия от европейских. Российские исследователи приходят к заключению, «в некоторых важных аспектах американский опыт означает не столько пересмотр традиционных ценностей, сколько полный отказ от них» [5]. В становлении США был элемент не только развития, но и отрицания европейской традиции государственности. В основу положен принцип политического и гражданского равенства, понимаемый формально и излишне (если так можно выразиться) прямолинейно. С одной стороны, граждане получили права и свободы, не мыслимые в то время в Европе; с другой стороны, **правительство не воплощало собой коллективную волю нации, а служило инструментом согласования индивидуальных интересов.**

Власть как инструмент согласования индивидуальных интересов – это немислимое для России предназначение власти. Для большинства российских людей как «управляемых», так и вовлеченных в процессы государственного управления, остается в силе прежняя психологическая установка – потребность государства выше интересов конкретной личности. А государственные интересы имеют глубокие социокультурные корни. Л.И. Абалкин пишет об этом: «Национально-государственные интересы неотделимы от всей истории данной страны, сколь бы древне и противоречивой она ни была, от сложившейся на протяжении веков культуры, традиций, системы ценностей и духовного склада ее населения [6]. И даже не только населения, как считал Бердяев: «В нацию входят не только человеческие поколения, но также камни церквей, дворцов, усадеб и могильные плиты, старые рукописи и книги. И чтобы уловить волю нации, нужно услышать эти камни, прочесть истлевшие страницы» [7].

Резкая смена формы правления может являться, с одной стороны, способом выживания аппарата и имитации реформирования. За счет смены лидера, идеологии, стиля, целей аппарат выживает, создавая впечатление абсолютной смены системы или оживления. С другой стороны, резкая смена формы правления провоцирует социокультурный кризис. Сегодня к такому выводу приходят многие современные авторы. Н.Е. Князева и С.П. Курдюмов пишут: «История как бы насмехается над действиями тех реформаторов, которые пытаются сконструировать в социальной среде нечто, не отвечающее ее природе. Навязать среде путь эволюции без учета ее собственных внутренних эволюционных тенденций. В таких случаях общество попадает в «капкан истории», приходит к труднопоправимому кризисному состоянию [8].

В.М. Сергеев назвал такой кризис «когнитивным». В частности, он пишет, что «ситуация когнитивного кризиса возникает, когда в нарушении естественного развития насильственно демонтируется традиционная иерархия и система социальных институтов» [9]. Мгновенная инсталляция новых институтов невозможна ввиду их инородности социуму, который подобно организму оттор-

гает чужие себе образования. Времени же на постепенное их вживание нет, ибо общество не может существовать в условиях вакуума власти.

Представляется, что этот когнитивный или социокультурный кризис может иметь два варианта своего разрешения. В какой-то степени эта ситуация напоминает процесс вторжения инфекции в организм человека. В этом случае могут быть два исхода. Либо инфекция отторгается организмом человека, «побеждается» им и человек выздоравливает, и даже в некоторых случаях приобретает иммунитет. Либо отторжения не происходит и инфекция начинает адаптировать организм «под себя», перестраивать его таким образом, что организм разрушается. Нечто подобное происходит и в обществе. Чуждое идеологическое понятие, воплощенное в действие или форму, привнесенное в общество, может быть отторгнуто обществом, если оно достаточно сильно приверженности к своим социокультурным традициям, сплоченно и, образно говоря, «здорово». Если же общество ослаблено, больно, то новое идеологическое понятие или форма может укрепиться и укорениться в нем, после чего начнется «перестройка» всего общества, которая по определению есть не что иное, как разрушение этого общества и создание какого-то другого. В любом случае, то общество, которое есть, будет разрушено «до основания», а затем... А затем, возможно, будет построено другое общество – хуже или лучше, неизвестно, и не об это речь, а о том, что это будет *другое* общество, а прежнего общества больше *не будет*, оно будет разрушено, умрет как человек, не смогуший противостоять инфекции. Следует оговориться, что в данном контексте аналогия с инфекцией предпринята вовсе не для того, чтобы придать пришедшим «извне» идеям негативный подтекст. По мере возможности хотелось бы избежать ценностной нагруженности каких-либо понятий и сосредоточить внимание на объективном процессе: что происходит при внесении в общество чуждой идеи «извне», как это может отразиться на самом обществе. Кроме отторжения идеи или принятия ее со «смертельным» исходом, может быть такой вариант, как частичное усвоение идеи, сопровождающееся изменением общества. Так, человек, который приобрел иммунитет в результате действия введенной ему вакцины, изменяется. Организм человека после прививки отличен от организма человека до прививки. Но любой врач знает, что количество введенной вакцины не должно превышать определенного уровня, иначе последует смертельный исход. Реакция же общества на идею определяется не количественными характеристиками, а качественными. Весь вопрос в том, в какой степени новые идеи противоречат базовым устоям общества. Если противоречие не велико, то общество, усвоив новые идеи, устоит, хотя и изменится, но останется самим собой. Если же новые идеи противоречат базовым структурам общества, то их усвоение неминуемо приведет к разрушению оногo.

Противоречит ли демократическая форма правления базовым структурам российского общества и насколько велико это противоречие? Что в данный момент происходит в социокультурном пространстве в связи с принятием демократической системы правления? На этих вопросах я остановлюсь подробнее в дальнейшем.

Выражаю солидарность с М.Г. Миронюком, который считает, что именно «доминирующая в обществе политическая культура фактически определяет

пределы модернизации социума, степень «приживляемости» заимствованных федеративных образцов и институтов» [10].

Нельзя недооценивать роль религиозных факторов в процессе формирования определенного отношения к власти, представления о том, какая должна быть власть и каковы должны быть взаимоотношения общества и власти.

Государственное состояние, по мнению И.А. Ильина, – это, прежде всего, состояние духовное. Он даже призывает отвергнуть «гибельный предрассудок о внешней природе права и государства», усмотреть их «душевно-духовную» сущность. Здоровое правосознание, как он считает, в своей основе религиозно. Но вера не должна становиться лишь средством власти и политической интриги. А власть должна стремиться к тому, чтобы стать «орудием той цели, которая едина у религии и государства: эта цель – одухотворяющее преобразование жизни» [11]. Вера по Ильину – «главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки» [12]. Забвение духовных и нравственных ценностей народа, по его мнению, всегда пагубно отражается на общественной, государственной и частной жизни людей.

Сотрудник Института славяноведения РАН Н.В. Коровичина, проведя социологическое исследование, приходит к неожиданному выводу: «Ценностные ориентации людей определяются, как это не покажется странным, больше всего характером религиозности». При этом сама религиозность в социокультурной среде данного общества может быть и минимально выраженной. Как оказалось, меньше всего эти ориентации зависят от политической позиции людей, идентификации себя с «правыми» или «левыми» [13].

Некоторые авторы полагают, что даже в атеистических обществах ярко выражены все соответствующие религиозные факторы, только «роль церкви заняли СМИ» [14].

Решающую роль духовно-культурных факторов в генезисе капитализма и политической организации общества на принципах демократии показал М. Вебер. Основания социальной организации капиталистического типа раскрыты им в процессе анализа мирской аскезы как особой формы религиозности (наиболее последовательно реализованной в одной из ветвей кальвинизма – английском пуританизме), с которой ученый связывал рождение «духа» капитализма. Строй мышления и своеобразный склад психики, сформированный религиозной верой и практикой, заставляли индивидов систематически и рационально стремиться к получению законной прибыли в рамках своей профессии. Именно на Западе появился так называемый «экономический» человек – рациональный, трудолюбивый, предприимчивый и дисциплинированный, создающий и умеющий отстаивать свои интересы. Это послужило основой для развития свободной рыночной экономики и политической организации общества на принципах демократии.

Однако, указывает Вебер, по мере того, как аскеза преобразовывала мир, мирские блага все сильнее подчиняли себе людей. Победивший капитализм не нуждался более в духовной основе, и «дух аскезы» уходит из мирской оболочки. Стремление к наживе, лишенное религиозно-этического содержания, приняло безудержный характер. Вебер характеризует «последних людей» этой «культурной эволюции» следующим образом: «Бездушные профессионалы,

бессердечные сластолюбцы – и эти ничтожества полагают, что они достигли ни для кого ранее недоступной ступени человеческого развития» [15]. Вебер указывал, что реформатская религиозность отвергает идею проникновения Бога в человеческую душу. Реформаторство, устранившее из религиозной жизни ее мистические и чувственно-эмоциональные компоненты, полностью исключило вопросы о смысле жизни, любви к ближнему. Более того, дарованная избранным божественная милость требовала от них «не снисходительности к грешнику и готовности помочь ближнему..., а ненависти и презрения к нему как к врагу Господню» [16]. Исследователь американского образа жизни М. Лернер считает, что следствием таких убеждений было формирование таких негативных черт, как «полная самоуверенность, полное отсутствие сомнений, черствость, презрение к аутсайдерам. Довольно страшные черты, особенно для тех, кто ощущает себя орудием Бога на земле. Эти черты культивируются в США и предлагаются в качестве образца» [17]. Американец, по мнению М. Лернера, олицетворяет теперь «современного человека», которому присуща мобильность, энергия, оптимизм, техническая хватка, стремление к власти, добродушие и некоторая нравственная неразборчивость. «Это не обремененный моралью человек, для которого на первом месте сила, напор и власть. И, кроме того, это человек, перед которым, наконец, рухнули все преграды» – считает Лернер [18]. Специфика американского политического гения, по мнению Лернера, состоит в привычке принимать за отправную точку свои убеждения и интересы, никогда не подвергая их сомнению. Единственным механизмом, который способен обеспечить функционирование такого общества, является демократия, ведь «приходится объединять необъединимое – уверенных в себе индивидуалистов-активистов» [19].

Действительно, демократия – единственный выход для общества, постоянно находящегося в кипяще-бурлящем состоянии, которое «коммунистические российские вожди» в свое время окрестили предреволюционной ситуацией. «Что такое нынешние соревновательные выборы, – вопрошает М.В. Ильин, – как не искусственные и дозированные «революции», позволяющие избежать революций настоящих?» [20]. Выходит, что выборная демократия предполагает состояние перманентной революции, другого и не может быть, если это борьба всех против всех, состязание индивидуальных интересов.

Практическая политика в США, по мнению Дж. Вильсона, «похожа на потасовку в баре... все дерутся со всеми... о судеюстве нет и речи, борьба продолжается... бесконечно» [21]. Вместе с тем «драчуны» научились выступать единым фронтом против всех, кого считают помехой для своих интересов. Здесь истоки их великодержавной самоуверенности и силовой политики на мировой арене.

Понятно, что подобные выводы никоим образом не относятся к конкретным американцам, которые могут иметь самые различные черты характера, а являются социокультурными характеристиками некоего «американского духа». Этот «американский дух» особенно остро ощущается извне, представителями других культур. И будучи в своей основе агрессивным, вызывает ответную агрессию.

Взлет террористической активности и умножение индивидуальных актов деструкции тоже можно рассматривать как извращенные проявления все той

же тяги некоторой части человечества к децентрализации и индивидуальной свободе. Определенный тип мировоззрения смещает вектор действий к деструкции и аномии как сознательному выбору представителей той или другой культуры.

Мировоззренческие характеристики людей лежат в основе выбора ими того или иного типа взаимоотношений с властью и самой структуры власти, необходимой для поддержания в данном обществе мира и согласия. Правда, следует оговориться, что сознательный выбор как таковой исторически происходил крайне редко и сводился, в основном, к копированию формы и структуры власти, принятых в других странах. Обычно же властные взаимоотношения органично развивались в соответствии мировоззрениям сограждан того или иного общества. Но весь парадокс ситуации заключается в том, что даже при сознательном выборе той или иной формы правления логика мировоззрения, свойственная этому обществу, «ломает» выбранную форму, если она неорганична этой логике, и «перестраивает» в соответствии с мировоззренческими установками данного общества.

Иногда те идеологи, которые рекомендуют «перенять» ту или иную систему правления забывают, что при внедрении ее в практику могут столкнуться с самыми неожиданными препятствиями. На подобного рода ошибки указывает М.В. Ильин: «Выбор в политике – не абстрактная и потому безусловная категория, как в философии или логике, а действие, которое всегда соотносится с контекстом и в его рамках обретает свой масштаб и прочие качественные характеристики» [22]. И вообще он считает, что «тяга к судьбоносному выбору» – признак несовременности. Одно из проявлений несовременности состоит в прямолинейном навязывании политической науке (а вместе с тем и политике) идеальных, как правило, идеологических императивов. В политической науке уже с 1960-х годов признано, что сведение модернизации к «простому заимствованию западных моделей политического развития» ошибочно и порочно по существу [23].

Можно только радоваться, что, если верить Ильину, в политической науке «это уже признано» ошибкой с 1960 годов. К сожалению, не все реальные российские политики являются знатоками политической науки и догадываются о том, что «заимствование западных моделей политического развития ошибочно и порочно по существу». Иначе бы за последние сорок лет, прошедшие со времени означенного вывода политологов, не происходили бы в России те события, которые имеют место быть.

Очевидно, вывод о «порочности» заимствования западных моделей развития не возобладал в общественном сознании россиян (ни среди населения и реальных политиков, ни среди политологов), а продолжает оставаться мнением ограниченного числа людей, которые с этим выводом согласны – и только. А споры по поводу того, «каким путем идти» – не утихают. Поэтому М.В. Ильин и пытается урезонить соотечественников таким своеобразным способом: объявляет тягу к выбору признаком несовременности. Надо признать, что это не очень убедительный довод и совсем не научный, а скорее психологический метод заставить умолкнуть противника. Но с точки зрения идеологии посмодерна, которая признает за всеми идеями равное право на существования и отказыва-

ется от поисков истины в виду того, что таковой просто не существует, поиски «верного пути» действительно бессмысленны. Если признать идеологию постмодерна современной, то горячность споров о выборе пути покажется несвоевременной и не своевременной. Знаменательно именно то понятие, которое употребил М.В. Ильин, доказывая ошибочность позиции коллеги: «несовременность». Поскольку с точки зрения постмодерна нет позиций верных и неверных, теперь, очевидно, обращение: «коллега, Вы заблуждаетесь», сменит обращение: «коллега, Вы несовременны». И в рамках идеологии постмодерна это будет самый веский аргумент.

Данилевский в свое время писал: «один уголок общественных наук упрямо сохраняет свое доктринерство – именно политическая экономия. Она думает, что всякое господствующее в ней учение есть общее для всех царств и народов, что, например, так как нет земледельческой общины в тех обществах, которые эта наука изучила и на изучение которых выводила свои теории, то общины и нигде быть не должно, что она составляет явление аномальное. Политическая экономия утверждает, что так называемая свободная торговля, которая есть выгоднейшая форма мены для Англии, где эта наука изучала торговые и промышленные явления, должна непременно применяться и к Америке, и к России. По-моему, это то же самое как бы утверждать, что дышать можно только жабрами или только легкими, невзирая на то, живет ли животное в воде или на суше» [24]. В наше время это высказывание Данилевского приобретает особую актуальность по понятным причинам: как только раздаются критические голоса в адрес демократии, слышится в ответ известная фраза о том, что ничего лучше человечество не придумало. При этом совершенно не берутся в расчет особенности различных культур – потенциальных адептов демократии. Шпенглер в «Закате Европы» отметил некоторые агрессивные особенности европейской культуры: «воля к власти, страстное желание возвести свою мораль во всеобщую истину, уничтожить всякую иную мораль – все это исконнейшее наше достояние» [25].

Есть мнение, что сведение политической модернизации в России к вестернизации, т. е. к простому заимствованию западных моделей политического развития, – это упрощение проблемы. Истинная модернизация, как полагают некоторые специалисты, есть наиболее полная вестернизация и интеграция в западный мир, даже ценой утраты обществом национально-духовной идентичности и подчинения «старшим партнерам». Единственный путь для России, по их мнению, состоит в развитии индивидуализма и рационализма, в укреплении либеральных ценностей и институтов как главных факторов и условий построения свободного общества по западному типу. «Освобождением» от былых социальных связей, «ига коллективизма» занимались отечественные реформаторы все последнее десятилетие. Как ни странно это прозвучит, но реформаторы интуитивно выбрали правильный путь – они чувствовали, где именно скрыты препятствия для внедрения реформ, и осознавали, что именно феномены российской культуры могут служить здесь главным препятствием.

Современные социологические исследования свидетельствуют о наличии противоречий в восприятии демократической структуры власти населением и тем образом власти, который имеет место в традиционной российской культуре.

В реформируемом российском обществе все более четко обозначаются некоторые тенденции отношения населения к власти, которые, на наш взгляд, коренятся в культурных традициях страны.

Обозначим лишь некоторые из них.

1. Недоверие к высшему представителю власти сменилось, на удивление социологов, небывалым потенциалом доверия к Президенту, которое с виду ничем не обосновано. Вспомним, что российская модель власти предполагает доверие к ней на иррациональном уровне. Доверие – это норма, недоверие – отклонение от нормы. Недоверие к власти воспринимается как «ненормальное» состояние самим обществом, оно угнетает его, психологически травмирует. Общество, если можно так выразиться, использует любые поводы, чтобы вернуться к «норме», и возвращается с радостью, даже не дождавшись поводов, а просто потому что «устало» от «ненормального» состояния недоверия к власти.

2. Население желает увеличения власти Президента в противовес власти Парламента. Сегодня: население выступает за усиление власти Президента страны (41%), тогда как возвышения власти Парламента над властью Президента желали бы только 4% опрошенных (ФОМ, июнь 2001 г., 1500 жителей России). Меньше всего население хотело бы усиления власти Парламента. «Сильный Президент – сильная страна, а сильный Парламент – сильные распри».

3. Большинство россиян ничего не имели бы против того, чтобы власть в России была отдана в руки одного человека. По результатам опросов, подавляющее большинство респондентов (более 70%) не видят ничего страшного в том, чтобы власть в России была отдана в руки одного человека и готовы делегировать ему эту власть в том случае, если он будет соответствовать таким понятиям, как «хозяин», «сильная рука». Становится очевидным, что идейные основы демократии в России «не работают» и само понятие «демократия» носит лишь номинальный характер.

4. Социологические исследования показывают, что альтернативой слова «демократия» становится слово «порядок». Если в начале перестройки понятие «демократия» имело позитивное содержание в глазах населения, то за десятилетие реформ отношение к самому понятию «демократия» изменилось. Оно стало приобретать негативный оттенок, стало ассоциироваться со спорами, раздорами, неразберихой, неустроенностью. Понятийная ценность демократии и всего, что с ней связано, упала в глазах населения. Если предоставить обществу гипотетический выбор между набором демократических ценностей и консервативных ценностей, исследователь легко обнаружит крен общественного мнения в сторону консервативных ценностей. Все более четкую оппозицию понятию «демократия» приобретает понятие «порядок».

5. Выборы Президента страны считаются населением «настоящими» выборами, т. е. выборами реальной власти в отличие от выборов в Государственную Думу или местные законодательные органы. Последние признаются российским обществом второстепенными, малозначимыми. Общим местом стало игнорирование гражданами выборов в Государственную Думу, в местные законодательные органы власти в противовес более-менее массовому участию их в выборах Президента и губернаторов. Выборы в Муниципальный совет и Обла-

стную Думу часто объявляются несостоявшимися из-за неявки граждан на избирательные участки. Граждане игнорируют малозначащие, на их взгляд, выборы, которые не имеют отношения к «настоящей» власти.

6. Именно исполнительная власть ассоциируется во взглядах общества с «настоящей властью». По мнению большинства населения, не депутаты, а непосредственно исполнительная власть должна представлять интересы граждан вопреки демократическим канонам. Депутаты воспринимаются населением не как представители непосредственной власти, а как своеобразные народные «печальники», которые обязаны «донести» до реальной власти народные чаяния и беды.

7. В идеологическом российском пространстве заметны потуги как представителей социальных наук (социологов, политологов и т. п.), так и общественных деятелей в попытках найти общенациональную идею, которая бы легла в основу государственной жизни. Поиск смыслополагающей составляющей, которая являлась бы национальной идеей и заступила на место коммунистической идеологии – чисто российская проблема. Российское государство всерьез озабочено этой проблемой, в то время как прочие государства вполне обходятся без нее. Но россияне чувствуют, что без национальной идеи исчезает само государство как таковое, лишается сокровенного смысла понятие «Родина», нечего возразить тем, кто эмигрирует. Если отличие между странами видится, прежде всего, в экономических показателях, а все граждане стремятся лишь к благополучной жизни, то абсурдно спорить с человеком, который, покидая свою страну, ищет «там, где лучше». Какой смысл оставаться в «бедной» стране, какой смысл вообще сохранять эту страну? Государство, лишенное сверхзадачи, «рассыпается» сначала в умах, а затем и на географических картах.

8. Особого внимания заслуживают политические партии России. Политические партии, в основном, создаются под выборы, они не являются партиями «по интересам», а скорее партиями по случайному выбору. Демократическая схема представленности интересов существует лишь номинально. Программы российских партий удивительно схожи, не смотря на расхождение в названиях самих партий и на конфронтацию лидеров этих партий между собой. Существование враждующих партий с одинаковыми программами становится политическим абсурдом по демократическим канонам.

9. Более того, абсурдным выглядит сам принцип образования политических партий на фоне поисков национальной идеи. Идеологи ищут способы объединить народ, а создание политических партий провоцирует раскол в обществе. Действительно, по классической демократической схеме две альтернативные партии создаются тогда, когда в обществе уже существует мировоззренческий раскол по поводу стратегии его развития. А в российской реальности, если даже и нет этого раскола или он не является явным, осознанным, создатели партии стремятся выявить какое-либо противоречие в обществе и усилить его. Например, «Мы за бедных, мы за русских». Данным лозунгом подчеркивается противоречие между бедными и богатыми, противоречия между русскими и гражданами других национальностей. Между тем, совсем необязательно, чтобы у бедных и богатых, у русских и нерусских были в реальности мировоззренческие противоречия, они могут быть и единомышленниками по

поводу стратегии развития общества, то есть, не исключено, что они могут принадлежать и к одной партии. Но партийный подход «растаскивает» их по углам, провоцируя конфронтацию.

10. На фоне остальных партий очевиден был успех «Единства», а затем «Единой России», как и всех тех партий, за которыми народ чувствовал президентскую поддержку. Вообще, ключевое слово «единство» – очень удачная находка, оно символично и о многом говорит. Создается впечатление, что не найдя национальной идеи, которая смогла бы объединить россиян, идеологи выдвинули призыв к единству просто ради единства. И народ откликнулся даже на такой неубедительный призыв, поскольку это соответствует представлению о государстве как о едином организме, о единой России.

Таким образом, становится все более явным противоречие между отношением населения к власти и предлагаемой народу формой власти.

Это противоречие находит свое отражение и в декларируемом отношении населения к демократии как таковой. Социологические исследования показывают низкую степень удовлетворенности населения демократической системой народовластия, в частности, исследование, проведенное в рамках проекта по сравнительному изучению политических культур [26].

В 1999 г. самая большая доля неудовлетворенных демократией была в России – 75%, за ней следовала Украина – 7%. В восточноевропейских странах этот показатель был значительно ниже: в Польше – 38%, Венгрии – 41%, Чехии – 44%, Словакии – 46%, Болгарии – 46%, Румынии – 56%. Более того, в этом измерении Россия уступала не только странам Европы или Северной Америки, но даже многим странам Черной Африки.

Но причины неудовлетворенности не всегда лежат на поверхности. Если в социологическом опросе задать прямой вопрос о причинах, ответы, в основном, будут сводиться к экономическим показателям (бедность, кризис производства, нестабильность экономики). Действительно, исследователи отмечают, что линейная зависимость между финансовой ситуацией и отношением человека к демократии и свободному рынку [27]. Но, согласно результатам опросов, недовольство демократией выражают не только малоимущие, но и состоятельные граждане, ничуть не в меньшей, а то и в большей степени, чем первые. С точки зрения социальных наук экономика есть воплощение разного рода отношений (как межличностных, так и межинституциональных), а эти отношения вырастают из глубинных основ мировоззрения человека. Мировоззрение живет на основе культуры и воспроизводится ей, сохраняя преемственность поколений. А в культурной традиции России заложены своеобразные концепции власти, которые описываются такими установками, как **централизация, иерархичность, персонификация, единовластие**. Раскроем содержание этих установок.

Централизация.

Централизация власти подразумевает систему, управление которой осуществляется из единого центра. Многие российские аналитики и публичные политики утверждают, что в России установился режим управляемой демократии. С точки зрения демократической теории – это нонсенс, поскольку сводит на

«нет» сущность самой демократии. В демократическом поле вектора власти, направленного по замыслу «снизу вверх», появляется посторонний для этой системы и преобладающий над первым вектор власти, направленный «сверху вниз». Каковы причины и основания для его появления, если он категорически расходится с демократической концепцией, в рамках которой и возникает? Дело в том, что последний вектор власти существует, прежде всего, в головах людей, о чем забывают лица, которые честно пытаются построить совсем иную схему власти. Этот вектор власти, направленный «сверху вниз», соответствует идее централизации власти, которую не смогли пока еще «выветрить» из умов российских граждан ветры перемен. Эта идея «крепко сидит» в головах россиян, даже если не осознается ими и не декларируется, поскольку она является одной из основополагающих мировоззренческих схем, характеризующих российское общество.

В настоящее время в социологической и политологической литературе развернулась дискуссия по поводу проблемы централизации власти. Это свидетельствует о том, что некоторые составляющие мировоззренческих схем начинают «попадать» в поле зрения и подвергаться рефлексии. Обычно такая ситуация возникает, когда люди начинают ощущать внутреннее противоречие между своими убеждениями и собственным поведением. Исследователи обосновывают свой интерес к этой теме спецификой современной ситуации, которая «состоит в том, что от жестко централизованной структуры власти осуществлен переход к разделению власти» [28]. Демократическая идея имманентно предполагает децентрализацию власти. Один из основополагающих принципов демократии – принцип разделения властей непосредственно направлен против централизации власти.

В публикациях высказывается множество доводов «за и против» централизации власти в России. В пользу идеи децентрализации власти в России, по мнению тех, кто отстаивает эту точку зрения, свидетельствует то обстоятельство, что такова политическая структура в США, и если уж перенимать демократические идеи, то следует перенимать и все те формы, в которых они воплощаются.

Несмотря на существующую российскую практику некритического копирования чужого опыта организации власти, как считает А.Ю. Мельвиль, сам «вопрос о возможности в принципе демократического режима власти на гигантских территориях, которые изначально осваивались в авторитарной парадигме, остается открытым» [29]. Следовательно, централизация власти является в определенной мере вынужденной мерой, наиболее эффективной в конкретных условиях применения.

Иерархичность.

Слово «иерархия» восходит к греческому *hieros* – «священный, святой, божественный, посвященный богам, великий, могучий, огромный, полновесный». Названный термин встречается, в частности, у Дионисия Ареопагита в его трактатах «О небесной иерархии» [30] и «О церковной иерархии» [31]. В первом из этих трактатов дано определение: «Иерархия ... есть священное устроение, знание и действие, уподобляющееся, насколько это возможно, божествен-

ному» И далее: «Цель иерархии – по возможности уподобляться Богу и соединяться с ним, полагая Его наставником всякого священного как знания, так и действия... по мере сил запечатлевая и участников своих делая божественными подобиями – зеркалами прозрачайшими и чистыми» [32]. Итак, согласно Дионисию иерархия – это воспроизведение в субъектах божественного порядка, зеркало, отражающее высший, сакральный мир, и ее уровни правомерно сравнивать со ступенями «лестницы», ведущей к Богу.

Если иерархия – это система взаимоотношения субъектов, пытающихся уподобиться божественному, то место этих субъектов в ней определяется степенью актуализации этого уподобления. Следует отметить, что иерархия толковалась Дионисием как духовная, но никак не социальная категория, она была обращена исключительно во внутренний мир человека, являясь лишь формой богоуподобления. Однако ее проекция на структуру церкви автоматически повлекла за собой «интериоризацию» иерархии, и данный термин получил второе значение – *тип социальной организации людей, стремящихся к богоуподоблению*.

Превращение религиозного понятия «иерархия» в социальное произошло в момент обретения церковными иерархами светской власти, когда определенное положение в церковной структуре стало давать субъекту полномочия светского властителя. Но и переместившись в социальную сферу, рассматриваемое понятие еще долго сохраняло социальный подтекст, легитимирующий «социальную пирамиду» как отражение божественного порядка. Находящиеся на вершине иерархии мыслились в его контексте как наиболее близкие к божественному, к Истине. Употребляя слово «иерархия» для описания структуры власти, человек, сам того не замечая, утверждал ее сакральное происхождение [33].

В современном политическом дискурсе, по мнению исследователей, термин «иерархия» полностью утратил сакральный смысл. Он используется для обозначения любой «социальной пирамиды» с четким взаимоотношением субъектов, на каких бы принципах она не строилась. В частности, В.М. Сергеев пытается представить историческую эволюцию понятия «иерархия» как движение от значения *структурированной совокупности субъектов, сакральным образом обеспечивающих стабильность общества благодаря наличию священного знания, через значение структурной совокупности субъектов, фиксирующих степень приближения последних к постижению божественного порядка, к значению социальной пирамиды, взаимоотношение субъектов которой обусловлено некой четкой логикой* [33].

Именно такая иерархическая пирамидальная структура власти присутствует в мировоззренческих схемах российского общества.

Парадокс настоящего момента состоит в том, что вся идеология демократической системы, по которой пытается жить наше общество, направлена на уничтожение иерархии.

Принцип разделения властей в демократической схеме на *исполнительную, законодательную и судебную* не предполагает никакой иерархии между ними. Все три ветви власти находятся, если так можно выразиться, на одном уровне, никакая из них не является выше или ниже другой, они обладают равной степенью власти, хотя и в разных сферах. Если хотя бы одна из них начинает пре-

обладать над другими, то, с точки зрения демократической теории, это равносильно катастрофе. Превалирующая ветвь власти начинает оказывать влияние на другие ветви власти, последние становятся зависимыми от первой и вся система сдержек и противовесов «дает сбой».

А если сравнить должности, например, президента и губернатора, то и здесь демократическая схема пытается «уровнять» их путем всенародных выборов и той, и другой должности. Поскольку губернаторов избирает народ, а не назначает президент, то они тоже находятся на одной и той же ступени иерархической лестницы, единственное различие между ними – это величина контролируемой ими территории.

Должности мэра и губернатора в силу выборности обеих должностей тоже не имеют иерархические отличия, а только территориальные. Поскольку территории, за которые они несут ответственность, могут пересекаться, в демократическую схему правления изначально заложен конфликт между ними, наличие которого мы наблюдаем практически повсеместно в российских субъектах федерации. Этот конфликт имеет своим основанием именно равноценность их должностей на иерархической лестнице власти.

Более того, демократическая идеология предполагает, что и народ не стоит, по крайней мере, «ниже» в иерархической лестнице той власти, которую он избирает. Любой представитель нации может стать Президентом, если его выберет народ. Частая смена Президента «помогает» разрушать вновь и вновь иерархическую лестницу, едва она начинает формироваться. Частая смена избранных лидеров играет еще одну важнейшую функцию – она направлена на деперсонификацию власти, но об этом чуть позднее.

Таким образом, демократическая схема власти направлена на уничтожение иерархической лестницы как таковой.

Что же сегодня происходит в России?

Согласно результатам социологических опросов население России твердо знает, что губернатор стоит на иерархической лестнице «выше» мэра или председателя областной Думы. Причем оба последних находятся в прямом подчинении у губернатора, только первый отвечает за город, а второй – за область. А Президент имеет полную власть «приказать» губернатору, губернатор – мэру или, скажем, председателю областной Думы. А мэр, в свою очередь, уполномочен «командовать», как считает население, городской Думой или муниципальным Советом. *Властная структура не мыслится российскими гражданами вне иерархии.* Поэтому, чтобы решить какой-то бытовой вопрос, например, о починке крыши или прохудившимся трубопроводе, человек считает правильным, если его требования не выполняются слесарем муниципальной организации, обратиться не только к мэру, а лучше к губернатору, а совсем хорошо – к Президенту. Чем «выше» власть, тем больше давление на ту власть, которая «внизу», и тем больше вероятность положительного разрешения вопроса. Если человека не устраивает решение суда, иерархическая логика подсказывает ему «пожаловаться» представителям исполнительной власти, что он зачастую и делает, полагая, что более «высокая» власть сможет повлиять на «подчиненную» ей. И в этом он не усматривает никакого «криминала».

Можно говорить о том, что население нуждается в правовом просвещении, но, с моей точки зрения, правовое просвещение не способно решить эту проблему. Когда представитель власти утверждает, что он не уполномочен заниматься этим вопросом, ссылаясь на конституцию, люди воспринимают это как отговорку, «отфутболивание» к «другой инстанции», нежелание заниматься их проблемой. Правовая постановка вопроса, когда представитель власти, например, губернатор снимает с себя ответственность за дела в городском хозяйстве, которые находятся в ведомости мэра, вызывает у населения в лучшем случае раздражение. А в худшем случае – сомнение в силе и могуществе этой власти (например, губернатора), а это для власти подозрение в «слабости» – это самый страшный приговор. Россияне готовы простить власти любые ошибки, лишь одного не простят никогда – *слабости*. И это логично для системы ценностей, сформировавшей восприятие власти, характерное для российского общества. Первейшая обязанность власти – это защита, а для этого власть должна быть сильной. Слабая власть не способна защитить, поэтому перестает пользоваться общественным уважением и теряет свою легитимность.

Власть чувствует ожидания народа от нее, тем более что эти ожидания соответствуют и внутренним структурам мировоззрения самой власти, так как она тоже является продуктом данной культуры. Но даже если бы представители власти и имели отличное от народа мировоззрение, то пребывание у власти вынуждает их корректировать свои поступки в соответствии с ожиданием народа, иначе рейтинг власти падает (как это было с Ельциным). А если рейтинг правителя растет, это значит, что ему удается воплотить в своей деятельности народные «чаяния». Конечно, хороший политик будет стремиться соответствовать ожиданиям народа, потому что желает сохранить и преумножить доверие масс к нему, даже в том случае, если требования общества не вполне соответствуют его личным убеждениям.

Российская власть вновь и вновь воспроизводит иерархическую структуру, несмотря на провозглашенный принцип разделения властей, не потому что представители власти имеют авторитарные амбиции, а потому что иерархические схемы лежат в основе общественного образа власти, а профессиональный политик обязан воплотить эти схемы, иначе он потеряет доверие народа. Народ не «узнает» своего правителя, если он не соответствует заложенному в культуре образу власти и отвергнет его как «чужого». Именно поэтому российская демократия приобретает черты «управляемости», иерархичности.

Законодатели утверждают, что Конституция РФ составлена таким образом, что все полномочия переданы исполнительной власти. В ночь подсчета голосов (с 7 на 8 декабря 2003 г.), отданных за кандидатов в ГосДуму, наблюдая проигрыш «правых сил», один из приглашенных в прямой телевизионный эфир политологов «успокоил» на этот счет собравшихся: «Не важно, в каком составе Дума будет принимать решения, нужные Президенту. Дума была контролируемая и будет контролируемая». Вот такой своеобразный юмор отличает российских политологов.

Зарубежные средства массовой информации также не без юмора прокомментировали результаты выборов в ГосДуму в декабре 2003 г. В частности, итальянская газета «Стампа» написала: «Накануне получения своего второго

мандата Владимир Путин наконец реализует то, что на протяжении 10 лет было мечтой Кремля: Дума, полностью преданная президенту, готовая повиноваться, принимать любую инициативу. Парламент, готовый продвигать либеральные реформы в условиях своего рода просвещенной монархии, – мечта, лелеемая многими русскими реформаторами и, как кажется, самим президентом» [34]. Зарубежные обозреватели почувствовали, что Путин создает свой собственный, как они выразились, «бренд» российской демократии. Как писала британская газета «Гардиан», в интервью американским журналистам в 2003 г. Президент России изложил эту «концепцию, согласно которой, похоже, демократия – это плохая идея, если она представляет хаотическое смешение мнений...».

Российская власть в менталитете народа существует как власть с четкой иерархией, и ныне действующая власть вынуждена волей-неволей соответствовать этому представлению и выстраивать иерархическую структуру, которая предусматривает подчинение одних властных структур другим.

Персонификация.

Персонификация власти предполагает восприятие власти не как политического института, а как конкретной личности, в которой эта власть воплощается.

Если человек, собираясь голосовать за какую-либо партию либо кандидата, интересуется, прежде всего, программой этой партии или кандидата, это значит, что власть деперсонифицирована. Если же не программой, а непосредственно личностью человека, выставляющего свою кандидатуру или представляющего партию (программы избиратель может и не знать), это значит, что власть персонифицирована в представлении избирателя.

Демократическая система направлена на деперсонификацию власти. Об этом свидетельствует сменяемость главного лица, в котором могла бы быть персонифицирована (президента, губернатора и т. п.). Схема управления строится таким образом, чтобы система работала независимо от того, кто именно занимает в ней определенное место. Демократическая система власти как бы стремится к идеалу – отладить систему функционирования власти таким образом, чтобы даже если власть сменилась за сравнительно короткий период и десять раз, народ этого мог бы и не заметить... Иными словами, демократическая система ставит перед собой задачу свести до минимума влияние личности на историю, унифицировать систему управления, обезопасив ее от любых неожиданностей, связанных с индивидуальными чертами характера людей.

В России же исторически сложилось так, что власть воспринимается народом исключительно персонифицировано. Народ принимает изменения, которые происходят каждый раз с приходом к власти нового человека и даже ожидает этих изменений: «новая скрипка по-новому играет». То есть происходит своеобразная легализация того факта, что специфика управления, а подчас и его форма может определяться характером конкретного представителя власти.

А во время избирательных процессов населению не столь важно читать программы кандидатов, сколь важно видеть лицо того человека, которого он выбирает. Российского избирателя черты характера и конкретные поступки будущего представителя власти интересуют гораздо более той концепции, которую выдвигает последний. Логика населения проста: по внешности и по по-

ступкам люди пытаются «угадать», каких действий можно ожидать от кандидата, насколько он «хорош», какова та «концепция», по которой он живет сам, так как она может существенно отличаться от декларируемой.

С персонификацией власти связано специфическое отношение россиян к закону. В России закон не имеет силы, если он не освящен личностью конкретного человека и не воплощен его волей. Знаменитая фраза Людовика XIV «Государство – это я» есть формула персонификации власти. Поистине со сменой каждого Государя в России строится новое государство. Законы имеют тенденцию «слабеть» с уходом их законодателя с исторической сцены.

Единовластие.

Единовластие предполагает передачу всей полноты власти в государстве в руки одного человека. Единоличная власть на протяжении многих веков была исторической традицией России. И даже когда самодержавный царь сменялся генеральным секретарем или президентом, менялось лишь название должности, но не сама суть власти. Более того, любой верховный правитель должен был суметь сосредоточить всю власть в своих руках, иначе его просто «лишали» власти, как это было с Хрущевым или с Керенским.

Концепция единовластия не просто противоречит демократической концепции, а является ее антитезой. основополагающей идеей демократии является ограничение единоличной власти путем разделения властей. Предполагается, что правителя, как бы ни был он хорош, необходимо контролировать. Демократическая система сдержек и противовесов создана для разрушения единоличной власти.

Для людей, которые проникнуты духом демократической традиции, наивысшей крамолой является идея передачи власти в руки одному человеку. В России же большинство населения ничего не имеет против того факта, что власть может принадлежать одному человеку. По результатам исследований Российского института общественного мнения на вопрос: «Считаете ли Вы правильным, если власть в стране будет принадлежать одному человеку» 75% опрошенных отвечают «да». Парадоксально, что это говорят жители страны, которая именуется демократической. Результаты опросов наглядно демонстрируют, что население желает усиления власти Президента России в противовес власти парламента. То обстоятельство, что пропрезидентская партия получила большинство голосов на декабрьских выборах в ГосДуму в 2003 г., не является случайностью, а соответствует общей тенденции представления народа о власти. Проигравшие партии обмолвились, что В.В. Путин в результате получил «царскую» власть. Следует отметить, что именно это (сделать Президента царем пусть не по букве, а по сути) и являлось, возможно, неосознанным желанием народа. Российские избиратели согласны на то, чтобы Президент передал часть власти Парламенту, но только столько, сколько сам найдет нужным, чтобы ему было «нетяжело», с тем, чтобы при необходимости мог забрать эту делегированную им власть обратно. Такие действия будут восприняты населением адекватно, как уже продемонстрировала история (например, расстрел Ельциным Белого Дома). Почему же единовластие имеет столь позитивное значение в глазах народа?

Дело в том, что власть в России должна быть сильной. Разделение властей, призванное ослабить власть, подтачивает ее легитимность в глазах народа. Народ готов предоставить сколь угодно большие полномочия правителю, но только с тем, чтобы «было с кого спросить» за все происходящее. А когда ответственность за различные сферы разделена между ветвями власти, то, хотя бы они и добросовестно выполняли свою работу, за общий результат никто не несет ответственности. Получается как в известной юмореске Аркадия Райкина: «Кто шил пиджак?». Выходят сто человек и говорят: «Мы!». «Почему криво сидит, рукава разной длины и т. п.?». «У нас разделение труда. Кто-то шил правый рукав, кто-то – левый, кто-то воротник «притарачивал», я лично пришивал пуговицы. К пуговицам претензии есть?». «Нет, пришиты «насмерть». Но кто ответит за то, что я пиджак носить не смогу?». Но ответственных за общий результат при такой системе не нашлось... И бедолага ушел ни с чем...

Верховный представитель власти, который говорит: «я за это не отвечаю», с которого «невозможно спросить» сразу за все, к ногам которого невозможно положить бесчисленные народные беды, не заслуживает должного уважения в глазах народа. Если верховный правитель не может решить всех проблем, он представляется народу слабым. А чтобы иметь возможность решать все проблемы, необходимо сосредоточить власть в одних руках. Таким образом, единовластие – это не столько привилегия, сколько непомерно тяжелый груз ответственности за «все». Общество делегирует верховному правителю эту обязанность быть ответственным «за все» и в соответствии с этой обязанностью готово наделить его теми правами, которые необходимы для выполнения такой обязанности. В данном случае речь идет о праве на безраздельную единоличную власть.

Таким образом, **централизация, иерархичность, персонификация, единовластие** – это установки, которые присущи российской политической культуре, и они оказывают определяющее влияние на отношение к власти в России. Демократическая структура правления, принятая Россией, «ломается» под воздействием этих установок, а содержание ее выхолащивается. Если говорить образно, то политическая культура России сегодня представляет собой арену жестокой битвы двух идеологических направлений: демократического и неомонархического. Каждое из них имеет свои сильные и слабые стороны. Демократическое направление имеет четкую форму, но невнятное для россиян содержание. Неомонархическое – наоборот – имманентное для российской культуры содержание, но вовсе не имеет определенной формы. Более того, неомонархическое направление даже не осознается населением как таковое, хотя элементы монархической культуры воспринимаются населением как норма. На чьей стороне будет победа? Это покажет будущее. В декабре 2002 г. в прямом эфире В.В. Путин одному из телезрителей был задан вопрос: «Возможно ли в России восстановление монархии?». Президент ответил, что в России все может быть...

Summary

N.A. Romanovich. The perception of power in Russia: relevance of the attitude to power to the social-cultural aspects.

The attitude to authority in Russia deserves special attention. A particular form and the structure of the government has arisen not casually, and was generated in conformity with the cultural bases existing in this society and serving for formation of such and no other way of interaction of people with authority. The form and structure of authority is always organic for the given culture. They reflect the certain aspects of political outlook of the people. The monarchy and democracy are not only various structures of the state bodies, and ideological underlying reason which has generated the opposite aspects of the attitude of people to authority. Replacement of an authority structure occurs organically if the content of the base values prevailing in the society is replaced. The political culture dominating over the society actually determines the limits of its modernization, and the degree of "rooting" of the borrowed federal samples and institutes. Modern sociological researches testify to presence of contradictions in perception of democratic structure of the authority and in that image of authority which takes place in the traditional Russian culture by the people. This is a contradiction between the attitude of the people to authority and the form of authority proposed to the people.

Литература

1. *Схиархимандрит Варсонофий (Плиханков).* Келейные записки. – М., 1991. – С. 44.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. – Т. 4. – С. 447.
3. *Rawls J.* Political Liberalism. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1993. – P. 277; *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. – Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press, 1990. – P. 100, 171.
4. *Ильин М.В.* Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? // ПОЛИС. – 2003. – № 2. – С. 158.
5. *Иноземцев В.Л.* Иммиграция: новая проблема нового столетия. Методологические аспекты // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 30–31.
6. *Абалкин Л.И. Н.Я. Данилевский о России, Европе и славянском единстве* // Социологические исследования. – 2003. – № 5. – С. 4–5.
7. *Бердяев Н.* Философия неравенства. – М., 1990. – С. 101.
8. *Князева Н.Е., Курдюмов С.П.* Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. – 1993. – № 2. – С. 40.
9. *Сергеев В.М.* Механизм эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети // Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 11.
10. *Миронюк М.Г.* Человеческое измерение федерализма. Федералистские теории и тенденции развития федеративных отношений в России // Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 104.
11. *Ильин И.А.* Собрание сочинений в 10 томах. Т. 4. – М., 1994. – С. 376–402.
12. *Ильин И.А.* Собрание сочинений в 10 томах. Т. 4. – М., 1994. – С. 137.
13. *Коровицина Н.В.* Чешская социология о реальном состоянии общества и вновь о его «человеческом лице» // Социологические исследования. – 2003. – № 5. – С. 27.
14. *Неклесса А.И.* Господин воздуха // Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 135.
15. *Вебер М.* Избранные произведения. – М., 1990. – С. 146.
16. *Вебер М.* Избранные произведения. – М., 1990. – С. 150, 157.

17. *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня. Т. 1. – 1992. – С. 75.
18. *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня. Т. 1. – 1992. – С. 86.
19. *Куличенко В.А., Куличенко А.В.* О духовно-культурных основаниях модернизации России // ПОЛИС. – 2003. – № 2. – С. 152.
20. *Ильин М.В.* Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? // ПОЛИС. – 2003. – № 2. – С. 158.
21. *Wilson J.* Dureaucracy: what government agencies do and why they do it. – N. Y., 1989. – P. 299–300.
22. *Ильин М.В.* Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? // ПОЛИС. – 2003. – № 2. – С. 157.
23. *Ильин М.В.* Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? // ПОЛИС. – 2003. – № 2. – С. 162.
24. *Данилевский Н.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. – М.: Книга, 1991. – С. 159–160.
25. *Шпенглер О.* Закат Европы. – М., 1993.
26. *Ullram P.A.* Political culture in East-Central and Eastern Europe: 1990–2000 // Paper for the int. conf. “Ten years of freedom: transition and consolidation of democracy in Central Europe”, Budapest, 30 October – 1 November. 2000.
27. *Bodio T.* Psychology of transformashio: from romanyicism to pragmatism // in Poland in transition. – W-w., 1999. – P. 32.
28. *Фиглин Л.А.* Информационно-аналитическая деятельность органов власти. // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 128.
29. *Мельвиль А.Ю.* Внешние и внутренние факторы демократических транзитов. – М., 1999. – С. 30.
30. *Дионисий Ареопагит* О небесной иерархии. – СПб., 1997.
31. *Дионисий Ареопагит* О церковной иерархии. – СПб., 2001.
32. *Дионисий Ареопагит* О небесной иерархии. – СПб., 1997. – С. 33.
33. *Сергеев В.М., Сергеев К.В.* Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети // Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 7.
34. Кремлю помогли национализм и Ходорковский // Независимая газета. 9.12.2003.

Поступила в редакцию
16.03.05

Романович Нелли Александровна – кандидат социологических наук, генеральный директор Российского института общественного мнения (г. Воронеж).
E-mail: nellyromanovich@pisem.net
nelly@qualitas.ru